

Александр Грин

Недотрога

Александр Степанович Грин

Недотрога

Аннотация

«Отец с дочерью ехали из Бедвайка в Ласпур на пароходе, который останавливался в Гертоне.

По дороге старик Ферроль заболел, Харита вынуждена была отвезти его в Гертонскую благотворительную больницу, а сама поселилась у одинокой старухи-вязальщицы.

– Мы совсем разорились, – рассказывала Харита старухе. – Отец плохой делец, он выдал много векселей; наш дом и оружейную мастерскую продали за долги.

– Куда же вы едете и зачем?..»

Содержание

I	4
II	15
III	21
IV	31
V	36
VI	41
VII	47
VIII	54
IX	64
Дополнения	71

Александр Грин

Недотрога

Неоконченный роман

I

Отец с дочерью ехали из Бедвайка в Ласпур на пароходе, который останавливался в Гертоне.

По дороге старик Ферроль заболел, Харита вынуждена была отвезти его в Гертонскую благотворительную больницу, а сама поселилась у одинокой старухи-вязальщицы.

– Мы совсем разорились, – рассказывала Харита старухе. – Отец плохой делец, он выдал много векселей; наш дом и оружейную мастерскую продали за долги.

– Куда же вы едете и зачем?

– Мы ехали в Ласпур, где есть два оружейных завода; отец хотел найти на заводе место.

– Так вы поедете туда, когда ваш отец поправится?

– Не знаю, – вздохнула девушка, – у нас почти нет денег; я ведь тоже трачу на себя, например, на молоко, хлеб и кофе; но один хлеб я есть не могу...

– Быть может, попробовать вам поступить на место или найти работу? – сказала старуха, оставив на Хариту

сквозь очки серые маленькие глаза. – У меня много знакомых.

– Ах, бабушка Санстон, я вам буду очень благодарна.

– Не надо благодарить, милая, ведь девушек с такой привлекательной наружностью очень мало на свете.

– Да что вы! – рассмеялась Харита. – Но вы преувеличиваете, и какое значение может иметь наружность, если у меня всего одно платье?

– Вы умная, Харита; вам будет легко устроиться, – сказала Санстон, шмыгнув носом, и ушла, надев черную шляпу с черным пером. Харита отправилась навестить отца и увидела, что Клаус Ферроль в довольно веселом настроении полусидит в кровати, читая газету.

– Через два дня ваш отец сможет уйти, – сказал доктор Харите, когда она встретила его в коридоре, и протянул руку к подбородку девушки, но она так рассеянно издалека своих мыслей взглянула на него, что доктор остыл.

– Ну, вы – недотрога, – сказал он и ушел от ничего не понявшей Хариты в мир стеклянных дверей, источающих запахи лекарств.

Возвратись к себе, в крохотную комнату подвала Санстон, Харита уселась, заложила ногу за ногу и стала рассматривать затрепанный том иллюстрированного журнала.

Было тихо. Вошел кот и, подняв хвост, принялся ходить вокруг стула Хариты, мурлыча с полным сознанием важности вещей, сообщаемых им девушке; но она не поняла его.

Тогда кот вспрыгнул к ней на колени и, мурлыча все явственней, нервнее, достиг результата: Харитой овладела тревога. Она сняла кота, встала и вынула из своего сака револьвер.

Вскоре пришла старуха и, пропустив впереди себя рослого мясника в отличном сером костюме, сказала:

– Вам, Харита, удобно будет сейчас поговорить с господином Гайбером; он всеми уважаемый человек, очень солидный и состоятельный, и ему нужна бонна к мальчику.

Гайбер склонил голову набок, ухмыльнулся и развел большие волосатые руки, как будто играя в жмурки.

– Не знаю, какая выйдет из меня бонна, – сказала, краснея от удовольствия, Харита, – но я действительно согласна поступить на любое место. Сколько лет вашему мальчику?

– О, он очень большой! Громадный! Великан-мальчик! – воскликнул Гайбер, придвигаясь к Харите так, что она отстранилась.

– Не понимаю, – сказала Харита, и сердце ее упало. Приоткрыв дверь, старуха Санстон шепнула Гайберу:

– Мы одни, окна и двери заперты.

Гайбер шагнул и взял Хариту за плечи. Нашарив сзади себя револьвер, который лежал под журналом, Харита толкнула дулом в жилет Гайбера, едва внятно проговорив:

– Взгляните, что у меня в руке.

Мясник вздрогнул; отступая, он держал руки обращенными ладонями к дулу, а когда хлопнул дверью, за стеной раз-

дались его проклятья:

– Вы, старая гадина, должны знать, за что беретесь!

– Я всегда знала, – дребезжал голос Санстон. – А от вас тоже многое зависит, – как и что.

Пока Харита спешно увязывала свои немногочисленные вещи, перебранка окончилась, мясник оставил квартиру, а старуха вошла к девушке и присела.

– Взбалмошный, но хороший человек, – говорила она, считая петли чулка, – сначала, вот так, напугает, а потом просит прощения.

– Прощайте, бабушка Санстон, – сказала Харита, вздевая на руку узел, – я вас не забуду.

– Значит, расстаемся? А жаль; давно не ели у меня свежего мяса, не жимали рта ладонью; давно не слышала я визга и писка. Убирайся; пусть ты станешь калекой, ослепнешь, пусть волосы твои вырвет под забором бродяга.

– Бабушка, бабушка, сколько вам лет?

– Семьдесят, милочка, семьдесят!

– Как же вы будете умирать, бабушка Санстон?

– Лучше, чем ты, бродяга! – вскричала старуха и, рассви-репев, вытолкала Хариту на улицу.

Девушка, утерев слезы, принудила себя дышать ровнее. Был поздний вечер. Прохожие присматривались к ней и приглашали зайти в пивную. Харита пришла в больницу и попросила служащего передать записку отцу: «Хозяйка прогнала меня, она – сводня, – писала девушка, – пойдём ку-

да-нибудь, сынок, если ты не очень болен, а если не можешь, то напиши, что я должна теперь делать».

– Ничего ты не должна делать, – сказал, явившись через полчаса в вестибюль, старый Ферроль. Он был бледен, лишь слаб, но здоров и уже застегнул поднятый воротник пальто английской булавкой. – Идем, Харита. Дежурный врач отпустил меня. Вот и воздух, вот ночь и мир. Дай мне.

Он отнял у нее узел, и так как других вещей у них не было, Харите идти было легко. Они вышли за город и тронулись по шоссе; редкие огни мелькали в равнине.

– Что же мы будем делать, сынок? – сказала Харита, звавшая отца «сынком». – Ведь нам надо где-нибудь спать, а в особенности тебе, потому что ты еще слабый. Надо бы тебе также поесть.

– Не беспокойся, – ответил Ферроль и, незаметно для Хариты сняв обручальное кольцо покойной жены, оставил девушку на опушке рощи, а сам прошел к затерянному в кустах огню; этот дом принадлежал учителю Гревсу. Ферроль постучал; Гревс, сжав узкое лицо костлявой рукой, скосил глаза на дверь, а его рыжие дети, пять девочек и три мальчика, спавшие в другой комнате, закричали:

– Папа, папа, не пускай; это опять пришли просить милостыню!

Жена Гревса подняла палец и сказала:

– Почему собака не лает?

– Не лает, потому что не бита, – ответил Гревс и, нехотя

оставив занятия – разборку карманных часов, снял с двери запоры.

– Немного поздно, – сказал он, успокоенный седеющей бородой Ферроля и его ясными морщинами вокруг острых, прямых глаз, – что вам нужно?

– Не купите ли вы кольцо? – ответил Ферроль. – Мне нужны не деньги, а пища; я только что оставил больницу и иду с дочерью искать работу.

– Это кольцо – обручальное, – сказал Гревс своей остроносой жене, женщине небольшого роста, беременной и сварливой. – Отойдем в сторону, – шепнул он.

Ферроль прислонился к стене, устало смотря, как из рук в руки ходит кольцо, уже не блестя, как блестело на пальце двойника Хариты – Таис.

В раскрытую дверь спальни дети кричали:

– Папа! Там кто? Мама, я тоже хочу смотреть! Папа, гони бродягу, выстрели в него из ружья! Мама, я боюсь!

– Да... а потом узнаем, что на дороге кто-то зарезан, – говорил Гревс.

– Кольцо доказывает, – возражала жена. – А пастор сказал: «Блажен тот, который...» Ну, понимай сам. Вот мне пришло в голову, что если ты их непустишь ночевать, я заболēju.

– Будь по-твоему, Кетти, – ответил муж и, обратясь к Ферролю, сказал: – Идите, приведите дочь вашу; мы положим вас спать, а за кольцо я утром вам дам провизии.

– Вы очень добры, – ответил Ферроль и ушел позвать Ха-

риту, сидевшую в полной простора и сна тьме под старым орехом.

– Что, сынок, дали тебе что-нибудь? – спросила девушка, слыша покашливание вблизи себя.

– Дадут, нас позвали ночевать, – сообщил Ферроль, – идем со мной.

Девушка вскочила и отряхнулась, весьма довольная.

– По крайней мере, мы хорошо выспимся, – сказала она, – смотри, как нам повезло!

Опять собака не лаяла, хотя ее скачущий силуэт гремел цепью, порываясь рассмотреть тех, кто не внушает тревоги.

Все дети вышли смотреть прохожих; рыжие, полуголые или закутанные в одеяла, они сидели на стульях и подоконниках, гримасничая и наделяя друг друга щелчками. Харита опустила узел на пол и встретила взгляд жены учителя, затем взгляд Гревса; первый недружелюбно метнулся, второй начал мерцать.

– Странно, что собака на вас не лаяла, – снова удивилась Кетти, и ее намерение сварить кофе исчезло. – Чего же ты стоишь? – обратилась она к мужу: – Принеси-ка из сарая соломы да те одеяла, которые я буду перешивать. Садитесь, милочка.

Она положила на стол хлеб, поставила блюдо с тыквенным пирогом и кувшин молока. Мешочек с провизией был готов.

– Вот это вы заберете с собой, – говорила Кетти. Там яйца, сыр и хлеб. Садитесь и ешьте.

Гости уселись, но, как ни хотелось Харите есть, дать себе волю она не могла и, медленно отломив кусок пирога, стала, опустив глаза, прихлебывать молоко.

Ферроль ел, как автомат, стремясь насытиться раньше, чем горло начнет сопротивляться еде. Отодвинув тарелку, он закурил трубку.

– Тетя драная, – сказал крошечный мальчик, ползая под столом, он тыкал пальцем в лопнувший башмак девушки.

– Мама, ты заперла серебряные ложки? – спросила старшая, чинно сидевшая девочка, нахмутив рыжие бровки и не спуская глаз с посетителей.

– О, да! – значительно заявила мать и, разостлав у стены кукурузную солому, опустила на нее старые одеяла. – Так куда же вы идете, хорошие мои?

– Мы пойдем по дороге – все прямо, как ведет дорога, – ответила ей Харита, – ведь нам ничего другого не остается, не правда ли, сынок?

– Харита называет меня «сынком», – сказал Ферроль, видя, что Гревс поднял брови.

– Вы откуда... позвольте спросить? – вежливо обратился Гревс к девушке, но ответа не получил, так как жена быстро прикрикнула:

– Тебе-то какое дело!

– Я ехал с дочерью из Бедвайка, – ответил вместо Хариты Ферроль, – обстоятельства разорили нас.

Гревс побоялся спрашивать, а Кетти двинула бровью в знак безразличия, и вопросы окончились.

Дети подняли рев, – двое из них получили шлепки за намерение тайно допить оставшееся молоко; между тем Гревс, видя, что Харита почти ничего не ела, вознамерился намазать ей кусок хлеба маслом; он сделал это вполне корректно, даже чуть сухо; подвигая угощение, покраснел до ушей.

Отчетливо и звонко старшая девочка донесла:

– Мама, мама, смотри: папа намазал ей хлеба с маслом... и как толсто!

Взгляд Кетти лизнул по хлебу.

– Твой отец готов всем делать доброе, кроме нас, – сказала она. – Что же вы не едите ваш хлеб?

– Я не хочу, – сказала, нервно смеясь, Харита. – И нам даже пора идти.

– Да, пора, – тихо подтвердил Ферроль, выколачивая трубку. – Ночь хороша и тепла, а днем идти очень жарко.

– Они гордые, – сказал горбатенький мальчик с бледным острозубым лицом, – им здесь не нравится.

– Ну да, разумеется, как хотите, – смешался Гревс. – Провизия готова.

– Нет! Я хочу знать, в чем штука? – подступила жена. – Что дети изволили пошутить, что ли?

– О, нет, – сказал Ферроль, с трудом удерживая гнев, – но моя дочь страдает припадками эпилепсии, и я один замечаю, что у нее должен быть припадок.

– Ах, так! Что же вы не сказали раньше? Нехорошо с вашей стороны, – отозвался Гревс. – А давно это у вас?

– Давно, – сказала, помолчав, девушка. – Ты готов, сынок? – и она положила ему на голову шляпу, которую он поправил.

Они встали и вышли, сопровождаемые смешливым, хотя и стесненным молчанием. Вслед им раздался голос старшей девочки:

– Вымой хорошенько тарелки, мама, они больные и грязные.

Крепко прижимаясь к отцу, несшему узел и провизию, тихо говорила Харита:

– Под ветерком, сынок, – правда? Под пальтишком твоим? А как нравится тебе семейство?..

И она рассмеялась сквозь слезы так заразительно, что небрежно рассмеялся и Ферроль, уводя девушку к приюту чистой травы.

Кетти сказала хмуро чинившему часы Гревсу:

– Опять собака не лаяла. Наверное, они прикормили ее.

Между тем, старуха Санстон легла спать и увидела при спущенном огне лампы, что кот бросился ловить выбежавшую из-под кровати мышь.

– Прочь, проклятый! – закричала она, вскакивая, и кинулась гнать его в соседнюю комнату, но оступилась и, падая, ударилась виском об угол стола.

Кот выбежал, затем, когда все утихло, вернулся, подошел к трупу издохшей ведьмы, обнюхал ее прикушенный зубами язык и, выгнув спину, стал громко мурлыкать.

II

К вечеру следующего дня Ферроль и Харита, нигде не найдя работы, постучались в ворота небольшой мызы. Ее хозяин оказался приветливым добрым человеком, несмотря на возраст; лет шестьдесят было ему, он сохранил ясность духа, юмор, ловкость движений. Его звали Абрагам Флетчер. На умном твердом лице Флетчера всегда мелькала пронизательная улыбка, а полуседые волосы его лежали с изяществом пудренного парика 18-го столетия.

Встретив путников как гостей, накормив их отличным ужином, Флетчер приказал служанке Миранде устроить две постели в свободных комнатах левого крыла здания.

Миранда, смуглая женщина с суровым лицом, отправилась исполнять приказ, а Ферроль поведал Флетчеру свою историю.

– Мой план, – сказал в заключение Ферроль, – состоит в том, чтобы по дороге к Покету заработать денег на проезд наш в Риоль, есть там оружейные заводы, а дело это мне хорошо знакомо.

Меж тем Харита, отдохнув, спокойная, сытая, чувствовала подъем духа, но некуда ей было излить его, она сидела и улыбалась, медленно глядя кожаный валик кресла, а ногу с лопнувшим башмаком прятала под сиденье.

– Надо вам отдохнуть, – сказал ей Флетчер, – хотите, я по-

кажу вам, где комната?

– Хорошо, – встала Харита.

Гостям были отведены две комнаты рядом, а двери их выходили в небольшой зал. Здесь стоял шкаф с книгами; Флетчер сказал Харите:

– Шкаф не заперт, читайте, сколько хотите.

– Хорошо, я потом за него примусь, – ответила девушка. Флетчер наклонился и сделал что-то с ее ногой, но она, рассматривая шкаф, поздно заметила его движение, – лишь когда он выпрямился.

– Что это? – спросила Харита, отступая и смотря на пол.

– Ничего, ничего, – сказал Флетчер, пряча нитку за спину. На нитке он прижал ногтем две мерки: длину и ширину башмака.

«Какой он странный, – подумала девушка, – верно, он нашел что-нибудь».

Открыв дверь комнаты, Флетчер пожелал Харите спокойной ночи и неторопливо ушел, а Харита заговорила с Мирандой, расстилавшей белое одеяло.

– Надо ли вам помочь, Миранда?

– Нет, – сказала служанка.

– Это окно выходит к морю?

– Да, – ответила Миранда, наливая в умывальник воду.

Харита помолчала.

– Будьте добры меня разбудить пораньше, – сказала она, вздохнув, – потому что нам надо идти.

– Хорошо, – ответила Миранда и, подобрав тряпки, ушла. Девушка взглянула в окно: там, чернеясь на заоблачном свете позднего неба, стояли горы.

«Ах, все равно, – подумала девушка, – какое дело мне до глупой Миранды».

Она вышла посмотреть, как обстоят дела в комнате отца, и услышала за дверью зала отчетливый разговор:

– Миранда, – говорил Флетчер, – я слышал, как вы невежливо, нехорошо отвечали бездомной девушке, которая не сделала вам ничего худого.

– Она врет, если пожаловалась, – сказала Миранда. – Сама же пристала ко мне и говорит: «а что, богат ли ваш хозяин?»

– Неправда, я слышал, когда проходил под окнами, другое.

– Ну, хорошо, я буду говорить как с принцессой.

– И это лишнее, говорите с уважением, так как она моя гостья. Это все, а на следующий раз я выдам вам ваше жалование и забуду о вас.

– Что это ты такая веселая? – спросил Ферроль, когда Харита пришла вниз.

– А вот так, мне весело, – сказала Харита и села рядом с Флетчером. – Я отошла. Побыла в комнате. Я засну крепко, сынок. Застряло? – обратилась она к Флетчеру, который не мог прососать трубку. – Сейчас. Чем же? Гвоздя нет. Разве булавкой? Но нет и булавки.

– Обнищала, – шутит Ферроль.

– Нет, сынок, мы не нищие, у нас нет только денег.

Харита выбежала на двор и принесла длинную колючку акации.

– Колупайте-ка этим, – сказала она, предварительно тронув пальцем колючки.

– Прочищено, – заявил Флетчер, испытав орудие Хариты. – У акации есть колючки, они защищают ее, а есть ли они у вас?

– Нет! Абсолютная бесколючесть кругом, можно пощупать, – расхохоталась девушка, потом задумалась и стала водить пальцем по скатерти.

Вскоре после того Ферроль улегся спать, весьма довольный настоящим отдыхом после утомительного пути; ушла, поцеловав на ночь отца, и девушка в свою комнату, но не разделась, а стала прислушиваться. Когда Ферроль начал храпеть, она тихо зашла к нему, взяла его сильно проношенные брюки и, пятясь на цыпочках, удалилась, но когда притворяла дверь, то увидела, что в зале стоит Флетчер.

Смутясь, Харита быстро свернула брюки и потупилась, а Флетчер подошел к ней.

– Вы не спите еще? – сказала девушка, держа отцовскую вещь за спиной.

– Я ложусь поздно. Отнесите эту починку к себе и вернитесь, я хочу поговорить с вами.

– Хорошо, а потом я буду штопать, так как тут есть, по-

нимаєте, небольшие отверстия. Необходимо, ничего не поделаешь. Я вернусь; только я отнесу.

Флетчер стоял, задумавшись. Рассеянно взглянув на возвратившуюся девушку, он увел ее на маленький железный балкон.

– Сегодня ли, завтра ли, но этот разговор нужен. Я одинок, стар и соскучился без людей. Оставайтесь здесь жить навсегда.

– Благодарю вас, – сказала, оторопев, Харита, – но я не могу решать сама такой важный вопрос.

– Да, поговорите с отцом.

– Допустим, он согласится. Как же мы будем жить? Горестно жить из милости.

– Горестно жить из милости, но приятно из дружества, – ответил Флетчер.

– Правда, вы особенный человек, я это сразу заметила и доверяю вам, – задумчиво начала Харита, но уже ей хотелось смеяться от удовольствия. – Но вы совсем не знаете нас; еще один только вечер мы здесь.

– Немного надо времени, чтобы отличить воду от вина, оленя от козы и золото от меди, – сказал Флетчер. – Быстрота решения еще не означает его несостоятельности.

– Но другое означает. Может быть, мы преступники! Какие-нибудь жулики, хотя, – поспешно закончила Харита, – этого нет, конечно, но так, примерно сказать?!

– Примерно сказать, что вам пора спать, – ответил Флет-

чер, – итак, снова поговорим утром.

– Я не знаю, что будет, – помолчав, сказала девушка, обратив к Флетчеру растроганное лицо, – но я знаю, что теперь не забуду вас никогда. Спокойной ночи!

Она вошла в комнату, оборвала фитиль свечи, уселась и пришила пуговицу к изнанке материи.

III

– Делайте, как хотите; вы дома, – сказал Флетчер.

– Я остаюсь с тем условием, – заявила Харита, – что мне дадут работу.

– Дадим работу, – ответил Флетчер, – впрочем, вы сама найдете ее, где, когда, как и что вам захочется.

– Напрасно вы так сказали, – встревоженно заметил Ферроль, – потому что Харита существо деятельное и беспокойное, она перебьет массу вещей и наделает хлопот всем.

– Сынок, сынок! – укоризненно сказала Харита. – Хорошо ли так говорить?

– Следовательно, ваше представление о себе иное? – спросил Флетчер.

Обиженная, Харита выпрямилась и некоторое время молчала, но принудила себя, наконец, ответить:

– Я сужу так: если я делаю что-нибудь хорошо, – похвалите меня, а если делаю плохо, – стоит ли обращать внимание?

– Нет, не стоит, – важно сказал Флетчер.

– Не стоит, – подтвердил Ферроль.

– Лучше я встану и пройду, – вздохнула девушка, – так как вы оба подшучиваете надо мной, а за что?

– За то, – угрюмо обронил Флетчер.

– За то, – удачно скопировал его Ферроль.

– Я действительно скучаю сидеть без дела, – сказала Ха-

рита, – без дела и без движения. Но, когда я читаю, – я могу сидеть спокойно и долго, я двигаюсь тогда в книге, с теми, о ком читаю.

Она встала и ушла к себе, где увидела новые башмаки. Что башмаки предназначались именно ей, явствовала приложенная к ним тут же на стуле записка Флетчера: «Так надо; так хорошо». Вспыхнув, Харита залилась слезами и, отплакав, надела башмаки с великим облегчением.

– Действительно, что так хорошо, – говорила она, притопывая носком, а затем бегая по комнате и склоняя взгляд к стройным своим ногам, – те были совсем дырявые. Значит, я – нищая? Нет, нет; только все это трогает, волнует меня; мыслей много противоречивых. Все равно.

Но, обувшись, она села на стул, не решаясь теперь сойти вниз. Так она сидела бы долго, если бы ей не пришла разумная мысль о равновесии, и, порывшись в узле, Харита надела еще почти новую светлую блузу, волосы обвязала бархатной синей лентой и пристегнула к рукавам ажурные нарукавники.

На лестнице встретила она отца и показала ему ногу.

– Видишь? У меня башмаки, – сказала Харита, – они очутились в моей комнате с запиской, что они для меня. Я их взяла. Хорошо ли это, отец?

Ферроль очень удивился, задумался, но в конце концов правильно отнесся к поступку хозяина.

– Что же такое? Он одинокий и великодушный человек,

а башмаки – увы! – тебе нужны очень давно. Я чувствую к Флетчеру доверие и горячо признателен ему. Когда мы поправим свои обстоятельства, то подарим ему тоже какую-нибудь приятную вещь, а пока не думай больше об этом.

– Бедный ты мой! – сказала Харита, обнимая Ферроля и прижимаясь к его плечу головой. – Не можешь мне купить башмаков. Я даже устала, сынок; доброта, может быть, утомительнее злобы. Куда ты идешь?

– К Флетчеру, осмотреть мызу.

Они сошли вниз по лестнице, а Флетчер позвал девушку идти с ними, но она отказалась:

– Если позволите, я сделаю это одна как-нибудь в другой раз, – сказала Харита и показала носок башмака. – Вы видите, дядя Клаус принес мне подарок. Поблагодарите его, пожалуйста, за меня от всей души.

– Клаус не любит благодарности, – ответил, низко кланяясь ей, Флетчер, – впрочем, точно ли я снял мерку вчера?

– Ах!.. Вспомнила: вы нагнулись, когда я стояла у шкапа.

– Право, дорогой Флетчер, – сказал Ферроль, – вы отнеслись к нам с таким участием, что я никогда не забуду вас, и очень хотел бы в свою очередь быть вам полезен. Надеюсь, вы намекнете, при случае.

– Стары мы с вами, – отвечал, помолчав, Флетчер, – чтобы не понимать друг друга.

На этом разговор кончился, и, сказав: «а мне предстоят хозяйственные занятия», Харита, снова взойдя наверх, со-

брала грязное белье. Проходя с ним вокруг дома, к ручью, текущему под обрывом сзади мызы, девушка остановилась перед сквозной нишей стены двора – там сверкал сад Флетчера. Харита зашла посмотреть.

Вокруг этого небольшого участка лежал глубокий овраг, делая тем излишней ограду. Край обрыва засажен кустами, покрытыми множеством живых цветов. В центре сада мерил облака вершиной высокая араукария, нижние ветви которой лежали среди кактусов и алоэ. Цветы магнолий, оттенка слоновой кости, пурпурные цветы и кусты роз раскидывались на фоне синих теней или яркого света. В саду не было аллей, только тропы, ведущие к отдаленному тенистому месту под тюльпановым деревом, где на четыре камня был положен толстый срез красного кедра, и вокруг этого стола поместились каменные скамьи.

Отсюда видна была за оврагом виноградная плантация и затуманенные расстоянием горы.

Харита любила сады, любила самое слово «сад», а потому внимательно осмотрелась и заглянула под араукарию. Там сокровенно, в темной тени, стояла трава. Казалось, только что здесь был кто-то или бывает, но его пока нет. Затем она выползла из-под этого укрытия и через двор сошла по тропе к основанию берегового выступа тихо текущего ручья.

Оглянувшись, Харита увидела над собой тыловую сторону мызы, лишь одно окно, в правом углу под крышей, бы-

ло на той стене. Ее нижняя часть скрывалась в уцепившихся за нее ворохах вьющегося и колючего кустарника.

Харита опустила белье к ногам и посмотрела в ручей.

Ручей, шириной в неполную возможность перепрыгнуть его, стлался по облачному дну; только лежащие на воде у самого берега сломанные стебли тростника выдавали его поверхность. Над высоким тростником летали стрекозы.

Едва Харита развязала свой узел, как осыпалась к ее ногам земля с обрыва, и у воды очутилась Миранда, по-видимому, серьезно недовольная самостоятельной стиркой.

– Напрасно вы не сказали мне, – бойко объявила она; – отдайте, я тотчас выстираю, и к вечеру все будет готово.

– Нет, я сама! – вскричала Харита, защищая узел, уже схваченный служанкой. – Я люблю стирать. Я не отдам.

Миранда уступила, но не ушла сразу.

– Как хотите, конечно, – сказала она, – я вам же хотела услужить. Промочите башмаки. Надели бы худые, свои.

– Ничего, я разуюсь, – ответила, тяжело взволновавшись, девушка, – идите, вы не нужны мне сейчас.

Сосредоточенно напевая, Миранда поднялась вверх и пошла на кухню, где чернокожая Юнона валяла черными руками белое тесто.

– Смех, гадость! – сказала Миранда приятельнице. – Хозяин наш стар и глуп; она живо оберет его; у ней уже тон хозяйский.

– Ты красивее, – оскалилась Юнона, – только Флетчеру

не нравишься. Всем нравишься; Юнона достанет травы лучше лекарства, Миранда подсунет ее господину в подушку. Тогда откроются его глаза.

– Бутылка рома, если не врешь.

– Будь спокойна, я сделаю.

Между тем Харита нарвала тростника и разостлала его у воды, а чистое белье укладывала, свернув жгутом, на тростник. Чтобы защитить голову от солнца, она обвязала ее белым платком. Когда устала спина, девушка выпрямилась и, поправляя волосы, рассеянно посмотрела через ручей. Ее внимание было привлечено висевшими на кустах прядями ползучей травы, напоминающей гриву. Жгло солнце, тишина не нарушалась ничем, но что-то совершалось вокруг – и из кустов выехал всадник с длинной бородой, с густыми бровями. Глубокий шрам на щеке был, как мелом, проведен по загару лица. Его латы сверкали, подобно озаренной воде. Сзади него, крепко держась за всадника, сидела молодая дама в белом костюме пажа, и ее покрасневшее лицо выражало досаду и утомление.

Всадник остановился у воды и сказал что-то на неизвестном языке, лишь имя «Арманда» было понятно Харите как обращение к женщине. Она вспыхнула и, сняв своеюравным движением висевшую на ее груди золотую цепь с изображением железного сердца, бросила эту вещь в кусты.

Всадник сомнительно улыбнулся, но она протянула ему обе руки и посмотрела ему прямо в глаза. Он кивнул.

Снова шевельнулись кусты, задетые легким ветром, грива коня повисла на их ветвях темной травой, а верхний край белого вала за бугром берега напоминал страусовое перо.

Харита крепко зажмурилась и потрясла головой. Пришло ей на мысль, что подкрадывается солнечный удар, и она смочила виски теплой водой ручья, затем развесила белье на тростник и взобралась по тропинке на двор мызы.

У входа в дом была естественная терраса – протянут над землей тент, а под ним – стол, диван, качающееся кресло и стулья. Когда Харита пришла, Флетчер угощал Ферроля смесью апельсинового сока с ликером, они рассматривали ружье Флетчера, у которого экстрактор действовал слабо. Ферроль сказал, что к вечеру починит его.

– В комнатах значительно прохладнее, – заметил Флетчер Харите, – впрочем, скоро мы будем завтракать. А! Я слышу лай собак, это Вансульт!

Действительно, во двор вбежали два дога, белые, с коричневыми пятнами, а за ними явился всадник, сосед Флетчера, Генри Вансульт, рослый человек 28 лет. Смуглый румянец во всю щеку, широкие плечи и веселые темные глаза Генри заимствовал от отца, а вьющиеся на лбу и висках волосы – от матери. Небольшие темные усы оттеняли простодушную, но твердую улыбку этого на редкость беспечного лица. Талию всадника охватывал пояс-патронташ, остальной костюм составляли коричневая шляпа, сплетенная из стеблей местной травы, белая рубашка и сапоги, украшенные серебряны-

ми шпорами. За спиной висело ружье.

Въехав и сдержав лошадь, Вансульт крикнул:

– Скорее, Флетчер, седлайте вашего Оберона, неподалеку нашли следы пантеры, а как я не жаден, то отдаю вам любую половину ее, если разделите со мной скучный путь на Желтую гору.

– Забирайте обе половины, Генри, – отвечал Флетчер, – у меня гости, да и вам, я думаю, не мешает, хотя бы на час, оставить высоту и спуститься вниз, к завтраку.

Вансульт вытаращил глаза, но, впрочем, покинул седло довольно охотно, лишь пробормотал:

– Зной будет нестерпим. Что скажут обо мне Z и Z?

Между тем доги легли в тень, не сетуя на задержку, а Вансульт, поручив лошадь Скаберу, одному из работников мызы, вошел под тент и познакомился с новыми для него лицами.

Харита сидела в качалке. Некоторое время движения молодого охотника были связаны. Он бросился на диван и полуразвалился, вытирая шею платком.

– Отличный день для охоты, не правда ли? – обратился он к девушке, на что та с трудом удержала смех, – так рассеян и шумен был самый вид Вансульта. – Ступайте сюда. Мои собаки, – сказал он, когда сильной походкой подошли оба пса, – справляются с пантерой, как я, например, с кошкой.

– Генри Вансульт – страстный охотник, – сказал Флет-

чер, – потому-то, Харита, он и обращается к вам как к компетентному лицу.

– А? В самом деле! – смутился Вансульт. – Да, теперь девушки не охотятся. Впрочем, есть одна, вы знаете ее.

– Должно быть Гонорина Риваль, – сказал Флетчер.

– О, да. Сорок пять лет. Благодаря устройству голосовых связок не берет с собой рога.

– Самая подходящая для вас жена, Генри, – заявил Флетчер. – Женитесь, наконец!.. Конечно, не на Риваль, это я пошутил. У вас пойдут дети, заботы, и вы успокоитесь.

– Да, – вскричал Вансульт, принимая от Флетчера стакан ликерной смеси, – да! Дети, – вы правы! Много детей, пять, шесть, одиннадцать, путать мне волосы на головенках! Отовсюду лезут на вас, а посередине она, мое божество, моя королева! Когда-нибудь я женюсь.

Все рассмеялись, а Харита пуше всех – так картинно изобразил Вансульт движениями и тоном голоса будущую семейную сцену.

– Нет, нет! Этого не будет с вами! – воскликнула девушка, – вы ведь так увлечены охотой.

– Вы думаете? – встревожено спросил Вансульт. – Вы думаете... – печально повторил он. – В самом деле я произвожу такое впечатление? Это нехорошо. Это плохо. Это мне не нравится. Как виноград?

– Изумителен, – ответил Флетчер. – Я слышал, вы сочинили новую песню.

– Я? Да... пустячок. Где ваша гитара?

Флетчер принес гитару, Вансулт настроил ее, говоря:

– Это на мотив, который я недавно слышал в Гертоне.

Та-ра-та-та-ра-та-аа, – пропел он и простодушно улыбнулся Харите на ее легкий смех: этот человек вызывал в Харите неудержимое веселое настроение.

IV

Вскоре они собрались и поехали. Флетчер сам управлял лошадью. Дорога шла в тени высоких садов, иногда подступая к мосту через овраг или заводя в щель между глухих стен фруктовых садов. Выехав за пределы участков центра долины, Харита увидела группу зданий, расположенных подобием улицы. Значительно в стороне от них, при начале табачных плантаций, стоял белый дом, окруженный террасой со всех сторон. Вокруг дома клумбы, кусты цветов, колонны выющейся по углам террас зелени сверкали так нарядно и живо, что стеснение Хариты прошло. На теневой стороне дома, под белой, с красной каймой, парусиной сидели за столом несколько человек. Харита тотчас узнала Вансульта, скорым шагом шедшего сквозь цветники.

– Готова, готова, пантера! – сказал он, здороваясь и, к некоторому смущению Хариты, довольно рассеянно помогая ей оставить седло, – а завтра, Харита, ее отделанная шкура будет у вас, чтобы вытирать ею ноги.

Пышность его тона была искусственной, но стала естественной, как только вспомнил он о проворовавшемся пастухе.

– Ага! – сказал Вансульт. – Есть дело! Пусть вы решите, что мне делать с Рамиресом.

В это время подошел такой огромный и свирепый человек

с двойной линией грузного живота, что Харита испугалась его. Видя, как она двинулась отшатнуться, Генри горько ухмыльнулся.

– При виде такого отца, – патетически сказал он, – волосы встают дыбом, однако, он вытаскивает муху из молока, не свихнув ей ни одного сустава.

– Оставьте пока Рамиреса, – сказал низким, как далекий гром, голосом старый Вансульт.

Больше он ничего не сказал, а взял обе руки девушки, заглянул ей в лицо, и она перестала робеть, только было у нее впечатление, что руки ее пропали. Наконец, они вышли из горячих мешков лап старого колосса.

Гости подошли к столу. Генри Вансульт повернул рукоятку крана в стене, и из травы газонов вылетели раскидистые фонтаны.

Пожилая, тощая женщина с красным носиком и остриженными, по-мужски, волосами внимательно посмотрела на Генри. Сестра Генри Дамьена стоя глядела на подошедшую Хариту, улыбаясь приветливо и выжидательно. В плетеном кресле сидела мать Генри, крепкая старуха с чувственным и нервным лицом. У нее были черные волосы, седые виски; взгляд пристальный, улыбка небрежна.

Харита, преодолевая смущение, познакомилась со всеми этими людьми.

– Вот моя мать, сестра, вот Гонорена, – говорил Генри. При имени «Гонорена» невольный свет смеха скользнул

по лицу Хариты, чего старая дева не заметила.

Дамьена, усадив Хариту, села с ней рядом, а мужчины отошли к другому концу террасы, где стали курить.

Стараясь быть ровной, Харита уступила Генри свою накидку и познакомилась с обществом. Рука Доротеи Вансульт, матери Генри, была горяча и жестка, костлявая рука Гонорены – прохладна и шершава, рука Дамьены, сестры Генри, послушна и беспокойна. Должно быть, история появления Хариты на мызе Флетчера была уже известна присутствующим, так как она заметила это по взглядам.

Краткая пауза оборвалась восклицанием Гонорены:

– Генри, солнце еще не село, а вы пустили на газон воду!

Дикий, визгливый голос вызвал у Хариты улыбку.

– Такая поливка вредна цветам! – шумно продолжала старая дева; – я понимаю, что вы хвастаетесь своим орошением, но лучше его закрыть.

– Кузина, нехорошо так подавлять хотя бы и законным авторитетом, – возразил Генри; – «трава»?! – вы говорите; «цветы»?! – вы говорите, а посмотрите, сколько радуг трепещет над зеленью!

– Показал и довольно, – не унималось странное существо, оправляя на красных костях локтей короткие рукава из грубой, серой материи.

– Да, я хотел показать фонтаны Харите, – спокойно заявил Генри, – что хотел, то я сделал. Вам нравятся радуги? – обратился он к девушке.

– Прекрасно! – сказала Харита, робко взглянув на при-
сматривавшуюся к ней Доротею Вансульт.

– Так вас, действительно, восхищают эти мыльные пузы-
ри? – провизжала Гонорена.

– Сознаюсь, что они хороши. Радостны и цветны, полны
огней, – сообщила Харита, – я такие вещи очень люблю.

– Сошлись во вкусах, – изрекла Гонорена, оглядываясь
и ища одобрения.

– Кузина, у вас желчь, – засмеялась Дамьена, а мать Ван-
сульта сказала: «Бедная Гона злится до сих пор, что Генри
не взял ее с собой на охоту».

Генри закрыл воду, и фонтаны, осев, как упавшие газовые
юбки, скрылись в земле.

– Желчи нет, однако, пантера была бы убита мной, – за-
явила Гонорена, сердито открывая портсигар. – Благодарю
вас, Генри, я отлично вижу, где стоит пепельница.

– Гона! – вскричал Вансульт, – вы переходите всякие гра-
ницы.

– Возможно, что кое-кто был бы доволен вашей галантно-
стью, но только не я. Если у меня есть руки, зрение и желание
взять что-нибудь, я всегда смогу сделать это сама, без меха-
нического подчеркивания на каждом шагу моего пола.

Вансульт встал и ушел. Пока он ходил за шкурой, Дамьена
спросила Хариту:

– Долго ли вы пробудете здесь?

– Все еще ничего не известно пока, – ответила девушка,

взглядывая на Флетчера, который заботливо следил за ее лицом.

– Ей некуда торопиться, – сказал Флетчер, – я не люблю расставаться с настоящими людьми без особого повода, и не считаю это ни экзекуцией, ни деспотизмом.

– Но я не тороплюсь, – простодушно ответила девушка. – Наш случай – увы! – известен, я вижу! Печальный случай.

– Ну, по крайней мере, сегодня пусть не будет ничего печального, – сказала Доротея Вансулт, – в ваши годы я ходила подбоченясь, несмотря ни на что.

– Если вспоминать прошлое, то и я могу сообщить, – заметил Гедеон Вансулт, – что в молодости работал на табачных полях.

– Все вы Робинзоны, кроме меня, – сказала Гонорена, – меня, родившейся в столь богатой семье, что даже никто не верит моей искренности, когда я защищаю на каждом шагу естественные права женщины.

– Что касается меня, милая Гона, – заявила Доротея Вансулт, – я предоставила защиту моих прав Гедеону и до сих пор в том не раскаиваюсь.

В это время две негритянки, колыхая серебряные подносы, внесли угощение: засахаренные фрукты, кофе, ликер, пирожное, лед, воду, варенье и мороженое. Каждый брал, что хотел, а Харита устремилась к мороженому.

V

Утром Харита и Ферроль направились к блокгаузу; Харита спешила, торопясь убедить отца заманчивостью предполагаемого жилища, а потому все время опережала Ферроля, шедшего своим ровным шагом. Ей казалось, что они идут со связанными ногами.

Наконец, море начало плескаться вблизи, а стены укрепления стали видны с двух сторон. Несколько волнуясь, Харита показывала и расхваливала все подробности, точно в своих владениях.

– Вот ручей, – видишь ручей? – говорила она. – Очень удобно, вода близко; также можно стирать и мыть здесь посуду. А стены? Не правда ли, они так хороши и высоки? Хотя на том месте осыпалось несколько камней, но это какое же может иметь значение? Зато вторая стена совершенно цела. Я всходила на нее.

– Гм... – хмыкнул Ферроль. Довольно долго он говорил только «гм»... Заход в первый двор потребовал от Хариты много красноречия и уловок.

– Ты шуришься на кучи камней, да, тут, конечно, накопилось порядочно разного хлама, но, по-своему, это даже красиво, – говорила она, стараясь ходить среди разного хлама и барьеров легко, как будто тут был паркет. Вот, видишь, цветет кустарник; вот ящерицы... Деревцо! Я буду за ним

ухаживать. Теперь пойдём дальше.

– Гм... – сказал Ферроль, останавливаясь, чтобы закурить трубку, – ворота можно исправить.

При таком, хотя первом, но уже деловом замечании Харита бросилась к отцу; обнимая и тормоша его, девушка преисполнилась уверенностью, что отец поддается ее бесхитростным обольщениям.

– Конечно, безусловно! – закричала Харита, стараясь поднять за угол тяжелую железную створу. – Даже я это сделаю; я могу и... я ведь стала сильнее... и вот, я уже подняла; уже!..

Угол створы выскользнул из ее пальцев, упав с шумом на камни.

– Ага! – сказала Харита. – Не стоит пока пачкаться. Вот проход внутрь, камни мы уберем. Так вот, сынок, вот эти стены дома, о которых я говорила. Что?! Разве они плохи? Крыша, окна и двери, только всего, а кровати, столы, стулья и прочее ты сумеешь сделать. Но посмотри эти ниши! Как они удобны! Сделать полки, разные углубления – и все! Тут можешь ты раскладывать свои материалы, инструменты. Вот чудесные трапы, чтобы всходить на верх стен... Хочешь взойти наверх?

– Харита, – сказал Ферроль, которому не стоило труда мысленно прикинуть все необходимое для жилья, – я сделаю столы, стулья и взойду наверх, но ты представляешь ли характер предстоящей работы?

– А как же? Конечно, я все обдумала. Варить будем у сте-

ны, где сложен очаг, а я набью кругом гвозди для веревок, чтобы вешать белье.

– Нам понадобится следующее, – продолжал Ферроль, привлекая девушку за плечи к себе и заглядывая в ее пылко сияющие глаза. – Суди сама – топор, лом, пила, тачка, лопата...

– Ах, это все дает Флетчер!

– Посуда, – продолжал Ферроль, – краска, стекла, струг, долото, тиски, железо, проволока, гвозди, ведра...

– Ах, я знаю; много всего! О, я несчастная! И ты несчастный!

– Кроме того, – говорил Ферроль, – понадобятся материалы для фейерверков, слесарные и токарные инструменты для починки оружия и выделки хороших ножей...

– Значит, мы не будем здесь жить? – огорчилась уже готовая плакать девушка. – Ты отказываешься?

– Совсем не то; я предвижу хлопоты и работу. Необходимо будет нанять человека, чтобы он помогал нам.

– Ага! – сказала Харита, облегченно вздыхая. – Так решено?

– Решено, Харита, – лучше не найти места для пиротехники по самому свойству взрывчатых и горючих веществ.

Так разговаривая, они внезапно увидели человека, подходившего к ним из-за стены будущего жилого дома. Неизвестный человек был одет в зеленую блузу, темные брюки и высокие сапоги. Спокойное, умное лицо этого человека, об-

ветренное и обожженное солнцем до красновато-бурых тонов, светилось невольной улыбкой, оставлявшей рот сжатым и брови сдвинутыми; худое, некрасивое лицо, внушающее доверие. Темные глаза смотрели прямо и замкнуто. Возраст человека мог быть около тридцати пяти лет.

– Должно быть, я есть тот самый работник, который вам нужен, – сказал он с легким смехом. – Трудно не слышать разговор в десяти шагах. Мое имя Рейтар. Я лежал, проснувшись, за кучей камней и решил подойти, только когда я понял, что тут будет работа. Если хотите, мои руки будут вам стоить очень недорого. Работы много, а я охотно сделаю всё.

Ферроль присмотрелся к Рейтару, – тот не был бродягой; помолчав, не нашел он также возражений инстинкта: перед ним стоял сильного сложения человек, а причины его бездомства никого не касались. Судьба подталкивала начать задуманное дело, Харите не терпелось выразить согласие, и Ферроль чувствовал, как, внутренне, про себя, она уже торопит его.

Между тем Харита, увидев Рейтара и услышав его предложение, стала шептать: «Вот, вот, вот, вот, отлично, вот хорошо, чудная примета для начала, само собой складывается, скорее, сынок, говори «да».

– Что ты там шепчешь? – сказал Ферроль, заметив красноречивость выражения обрадованного лица девушки. – Что же вам сказать? – обратился он к выжидательно стоявшему Рейтару, – ему стало жаль этого человека, манера и го-

лос которого выказывали достоинство. – Дело, разумеется, простое: человек нужен. Придется засыпать ямы пола, разобрать и убрать камни; внутренний двор привести в годное состояние.

– Не только это, – сказал Рейтар, сняв шляпу и приглаживая волосы. – Как вы говорили между собой, – надо сложить очаг, сделать крышу, окна, короче говоря, надо все... Все то, что хотела она...

VI

На другой день еще не было шести часов утра, как Ферроль отправился навестить своего неожиданного помощника. Он нес ему лопату и кирку.

Так как стояли лунные ночи, то Рейтар смог работать без фонаря. По-видимому, он не спал; его заросшее волосами лицо приняло одеревенелое выражение; руки распухли, он дышал коротко, глухо, иногда вздрагивал. Его взгляд стал еще более блестящим, почти неистовым, и Ферроль внимательно присмотрелся к нему. Но каждый человек выглядел бы не лучше, соверши он то, что сделал за сутки Рейтар. Все камни были удалены с внутреннего двора, а ровные, плоские камни собраны к развалинам дома, чтобы было чем настлать пол. Двор стронулся, начал жить. Древесный и железный лом возвышался грудой в углу стен.

– Рейтар, – сказал Ферроль, показывая рукой вокруг, – Харита была встревожена еще вчера вашим видом, а я сегодня скажу, что так работать вы сможете не более двух-трех дней. Быть может, вы торопитесь уходить?

– Все это пустяки, – сказал Рейтар. – Нет ничего страшного в том, что я делаю. Но я, правда, устал. Достаньте мне три бутылки вина, лучше водки.

– Хорошо, Харита снесет вам бутылки, а затем я куплю в здешних лавках необходимые материалы... Слушайте,

друг мой, – Ферроль положил руку на твердое плечо измученного Рейтара, – я чувствую, что не радость привела вас сюда. При всем уважении к тому, что гнетет вас, я хотел бы узнать, не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

– Великое счастье, что я встретил вас, – сказал после продолжительного молчания Рейтар, утапывая каблуком землю, чтобы слова его звучали в меру чувств, вынужденных отчасти излиться. – Вот что я вам скажу. Я пришел сюда ожидать известий от одной женщины. Место условлено. Она знает этот блокгауз. Я ждал вчера, ночью и утром, но никто не пришел. Обстоятельства таковы, что можно объяснять дальнейшее молчание только зловещим образом. Между тем, я оставаться здесь могу еще не далее трех, самое большее пяти дней. Всю черную работу я для вас сделаю. Будьте добры послать телеграмму по адресу: Гертон, Старый рынок, дом два, Елизавете Кончай. Вот текст, вы перепишите его.

Рейтар подал Ферролю приготовленный листок бумаги. Почерк, орфография, манера ставить знаки и цифры – все указывало руку образованного человека. Текст кратко гласил: «Я жду ответа».

– Отлично, – сказал Ферроль, кладя записку в бумажник. – Советую вам уснуть.

– О, нет, – быстро ответил Рейтар. – Слово «сон» звучит для меня чудно, как название странной рыбы. Купите несколько бутылок, – сказал он, сдержав страшный порыв го-

ворить о своем состоянии, действительно потрясающем, если бы оно открылось. – Впрочем, что вы намерены покупать? Надо то, надо это. Составлен список?

Некоторое время они говорили о материалах, причем все замечания Рейтара выказывали высокую практичность и знание вещей. Ферроль записал, спрятал записку и поторопился к Харите, которая за время его отсутствия наскоро сметала из старой юбки черный передник и обшила его голубой лентой. В этом переднике девушка встретила отца и, так как он не заметил передника, то ей, после тщетных вопросов: «Скажи, сынок, ты ничего не видишь?» пришлось просто тряхнуть подолом своей обновы. Тогда озабоченный Ферроль льстиво и рассеянно похвалил ее работу. Харита хотела обидеться, но раздумала; ей предстоял большой день: хлопоты, покупки... Так как Флетчер уже отправился на свои участки, то отец с дочерью завтракали без него.

– Харита, – сказал Ферроль, – когда мы придем в лавку, я куплю три бутылки водки, еще самое необходимое, а ты снеси эти покупки Рейтару и не уходи из блокгауза. Там побудь с этим Рейтаром. Он очень не понравился мне сегодня. Сделано им столько, сколько могли бы сделать три человека за два дня. Он не спит, выглядит тяжело, болезненно и с мучением ждет каких-то известий. Дал мне послать телеграмму. – Ферроль показал телеграмму Харите. – Во всем, как смотрит и говорит Рейтар, чувствую я сильную, высокую душу, но она, душа эта, поражена, быть может, смертельно.

А как мы сами милостью Божией и участием доброго человека начинаем склеивать свою жизнь, то должны так же отнестись к чужому несчастью. Ты пригляди за ним, – повторил он.

Девушка заметно расстроилась. Она с вечера мечтала идти покупать разные вещи, – огромное развлечение, поглощающее и страстное, – но чувство дома сильно было у нее, а Рейтар действительно заслуживал внимательного к себе отношения.

– Хорошо, сынок, – жалостно вздохнула Харита. – Я там буду тебя ждать. Да... а-а как же? Разве мы не вместе все выберем, купим и так далее?

– Дорогая моя девочка, – сказал Ферроль, привлекая ее к себе, – я тебя понимаю, но нет радости в досках и инструментах. Мы сейчас пойдем купим с тобой посуду, провизию, две-три материи для белья, чтобы было тебе занятие; потом снесешь ты водку, пищу и посуду в блокгауз. Там готовь нам всем бродяжий обед.

Немного надо было Харите, чтобы она развеселилась: стоило только утешить ее согласием на задуманные дела. Уже она начала сверкать и сквозь различные «ах» вспомнила: «Сделал ли Рейтар очажок в нише, как я просила?»

Забота об очаге так начала ее грызть, что она примирилась с мыслью идти в блокгауз одна. На ее вопросы Ферроль признался, что не обратил внимания – есть или нет очаг. «Впрочем, я могу сделать его сама, – сказала Харита, – несколько

камней, железный лист с дыркой; раз-два и готово. Подожди, я оденусь».

Поспешно убежала она к себе. Легко сказать: «одеться прилично», когда есть выбор вещей, но это очень трудно сделать в положении Хариты. У нее ничего не было. Она прикрепила к шляпе, сшитой из серой материи, голубой бант, белую блузку украсила хотя старым, но хорошо выглаженным ажурным воротником, надела черную юбку, переменяла тридцать раз заштопанные чулки на заштопанные раз пятнадцать, причесалась, напудрилась, и у нее отлегло на сердце. Вообще, если Харита оставалась довольна своим костюмом, выражение ее лица совершало все портновские чудеса, старое на ней тогда казалось новым, а бедное – драгоценным. Прикрепив к груди эмалевую овальную брошку, девушка взяла ковровый саквояж и вернулась к отцу; они улыбнулись друг другу и направились за покупками.

Как пришли отец с дочерью к лавке Гальтона, несколько утомленный Ферроль послал телеграмму, дал Харите денег и, оставив ее у прилавка, зашел в бар выпить кружку крепкого пива. Едва он, сев в углу помещения, взял трубку и приготовился отхлебнуть светлой жидкости, как сбоку сидевший человек сказал ему: «Кажется, вы Ферроль? Добрый день».

Обернувшись, Ферроль узнал Гревса, учителя. Смотря поверх очков, костлявый Гревс улыбался, потирая руки. Ферроль ответил поклоном.

– Да, это был неудачный ночлег, – бесцеремонно продол-

жал Гревс, двигаясь на стуле с видом озябшего. – Жена моя добрая женщина, но у нее, знаете ли, часто болят зубы. Врач обещает, что она родит двух. Надеюсь, вы не откажетесь разделить со мной бутылку вина?

– Я очень занят, – сказал Ферроль, залпом опорожнив поданную ему кружку пива и засовывая трубку в карман.

– Жаль, – продолжал Гревс без смущения. – Мне предстоит здесь работа в школе, так как местный учитель болен. Я приехал с семейством и буду очень рад возобновить знакомство. Как здоровье вашей славной дочурки?

«Бог не допустит, чтобы оно испортилось от твоего вопроса», – подумал Ферроль. Кратко поблагодарив за внимание, он раскланялся и пришел в лавку, где Харита, пунцовая от возбуждения и удовольствия – покупать, смотрела материин, которые показывал ей сумрачный, кроткого вида сын Гальтона, брала муслин, полотно и грубую ткань для рабочей одежды. Зная, что мешать ей теперь нельзя, Ферроль сказал только: «Харита, мы встретимся теперь с тобой на берегу моря. Тащи добычу лишь пока самую необходимую, не забудь водки, табаку и еды. Если будет тяжело нести, найми экипаж; я же пойду на склад строительных материалов».

– Ага, хорошо, – рассеянно ответила девушка, глядя на отца, как бы сквозь слой воды. – Я справлюсь.

Она осталась соображать, мерить и покупать, а Ферроль отправился за досками, балками, толем, инструментами и стеклом.

VII

Когда Ферроль оставил Рейтара, тот немного посидел у стены, а затем приступил к своей тяжелой работе. В одной нише был уже сложен им простой, прочный очаг, и Рейтар даже набил топку древесным ломом, так что Харита могла начать стряпню сразу. К полудню Рейтар выкопал яму для извести, разрыл и уравнил землю внутри будущего дома, убрал остатки камней. Он работал быстро и сосредоточенно, без лишних движений. Выпрямляясь передохнуть, глазами он продолжал искать причину очередного усилия, опережал работу ясным представлением того, как она будет сделана. Когда он задумывался, земля вокруг его ног начинала быстро покрываться розовыми пятнами, как будто воздух метил ее кровью. Эти пятна появлялись на коленях и даже на руках Рейтара. Не осмеливаясь всматриваться в это явление, он спешил снова заняться делом, и пятна понемногу исчезали.

Окончив все, что мог сделать лопатой и киркой, причем едва ли пошло у него на отдых более десяти минут, Рейтар стал настилать пол. Стены разделяли пространство на два помещения: одно большое, другое поменьше, и в каждом из них было по окну. Рейтар приступил к полу большого помещения. У него была собрана отдельная группа плоских камней. Он укладывал и утапывал их рядом, соображая

форму этих небольших плит, чтобы меньше было возни с отбиванием этих краев. Оббивать камни он мог только киркой, что было очень неудобно; поэтому, разыскав среди кучи железа тяжелый болт с гайкой на конце, Рейтар действовал им, как молотком.

Он безумно устал, но не хотел отдыхать, потому что с усилением зноя розовые пятна стали появляться все ярче и чаще. Спасаясь, Рейтар посмотрел вверх на синюю высоту; в ней пролетела птица, роняя красные капли. Беспомощно озираясь, несчастный человек взял бутылку с водой, чтобы намочить голову и лицо; в это время усталая, но счастливая Харита появилась в тени прохода, помахала рукой и сказала: «Добрый день, титаны! Да ведь здесь можно теперь танцевать! Чудеса! Здравствуйте, Рейтар. Там человек привезет тележку с поклажей. Пожалуйста, снесите все сюда. Я, кажется, очень жадна и не удержалась, всего набрала. Ах, я вижу очаг!»

Харита подбежала к очагу, заглянула в топку и рассмеялась.

– Благодарю вас, Рейтар, – сказала восхищенная девушка. – Лучше нельзя! И на прутьях, и на листе!

– Да, я знаю огонь, – сказал польщенный Рейтар, у которого исчезла галлюцинация. – Как в лесу, так и дома я умею обращаться с огнем.

Рейтар вышел за пределы блокгауза и увидел, что босоногий подросток-негр в конической соломенной шляпе тащит

обратно в Лиму плетеную ручную тележку. Покупки Хариты были сложены у входа. Рейтар принес ящик с посудой, корзину провизии и свертки материи. Разгрузка тележки в пустынном до сих пор месте, видимо, интересовала негра; он, пока вез, задал Харите несколько вопросов, на которые получал естественные для того дела ответы.

Конспирация Хариты тронула и взволновала Рейтара. Снеся на внутренний двор поклажу, он принялся молча курить, смотря на девушку особенным, полным взглядом. «Такова моя жена, моя Леона, – подумал Рейтар. – Она, конечно, старше и опытнее этой блаженной, но сущность одна: прежде всего забота о других». Но Харите было теперь не до его мыслей, не до выражений его лица. Она вытащила припасенный передник и, облачась, захлопотала у очага; в трех эмалированных кастрюлях надо было варить мясо, бобы и овощи. «Мы, знаете, пока будем есть кое-как и кое-что, – сообщила Рейтару девушка, расставив на земле тарелки, кастрюли, стаканы, чашки, ведро для воды и большой жестяной бак такого же назначения. – Впоследствии припомню всю кулинарию».

– Я принесу воды, – сказал Рейтар, подходя к ведру.

– Оставьте, я принесу воду сама, – заявила девушка. – Сидите пока. Ах, я забыла! Вот вам водка, вот вам сыр и копченая рыба. Вот хлеб... Поешьте, пожалуйста; выпейте, прошу вас!

Рейтар молча взял бутылку и, аккуратно открыв ее штопо-

ром складного ножа, стал пить до тех пор, пока хватило дыхания. Взглянув на остаток, он выпил еще, затем полностью осушил бутылку и съел кусок сыра. После этого его одичавшее, изнуренное лицо пришло в порядок. Он глубоко вздохнул и закурил трубку.

– Так ее! – сказала изумленная девушка. – Однако вам не повредит эта детская порция?

– Нет, – серьезно ответил Рейтар. – Ничего не повредит человеку, если он знает свои силы.

– Мой отец послал вашу телеграмму, – сказала Харита, беря ведро. – Ободритесь. Ваши обстоятельства исправятся.

Она вышла на берег и увидела Флетчера, который подъезжал к блокгаузу верхом на маленькой, выпуклой со всех сторон темной лошади, с серой гривой. Флетчер покинул седло и подошел к девушке, говоря:

– Как я вижу, хозяйственные дела начались. Что же у вас здесь? Я хочу посмотреть.

– Там Рейтар, – вопросительно произнесла Харита. – Он будет в душе меня бранить.

– Дело это важное, – ответил Флетчер, – вы под моей охраной, так что я должен знать о Рейтаре не менее вашего. Но не беспокойтесь, я отвечаю за всё.

– В таком случае ожидайте меня на внутреннем дворе, – сказала девушка, отходя к ручью. – Я мигом вернусь.

Флетчер завел лошадь в тень первого входа, привязал повод к кусту и медленно прошел внутрь блокгауза. Он был

удивлен зрелищем произведенной работы, если бы не увидел сразу Рейтара, который настилал пол. Рейтар был не пьян, но примирительно отуплен вином; поэтому некоторое время спокойно рассматривал владельца блокгауза, пока не сообщал, – кто стоит перед ним.

Номер газеты был у Флетчера в кармане, а потому фермер и удивился, и ужаснулся.

– Дегж, – невольно сказал он, – что случилось?

Рейтар приложил палец к губам. Подойдя к Флетчеру, он опустил тому руку на плечо и тихо произнес:

– Ни слова этим людям о Дегже. Вы благородный человек, и я не боюсь ни души, ни языка ваших, но... но о чем мы говорим? Здесь все известно?

– Милый мой, Гертон лежит в тридцати пяти километрах от Лимы, а газеты получены час назад.

– Но я не чудовище, – сказал Дегж. – Вы знаете меня. Произошло беспрецедентное несчастье. Сейчас все узнаете.

– Дегж, – сказал Флетчер, бессознательно сжимая руку проводника, – вы сошли с ума. Это так!

– Бесполезно так говорить. Я был, есть и буду здоров. Впрочем, пока девушка не вернулась, расскажу вам эту историю.

Машинально оглядываясь, Дегж начал говорить Флетчеру вполголоса нечто такое, отчего тот побледнел до неузнаваемости. Сам Дегж внешне оставался спокоен, лишь иногда останавливаясь, чтобы коротко, резко вздохнуть. На его сча-

стью торопившаяся Харита запнулась о камень, пролив воду, почему ей пришлось еще раз сходить к ручью, и Флетчер полностью уразумел суть происшествия.

– Теперь смотрите, – закончил Дегж. – Как это было бы на ваш характер? На мой – так, как оно вышло.

– Проклятие! – вскричал Флетчер, не замечая, что почти плачет от волнения. – Это судьба.

Заметив Хариту, они приняли более спокойные позы.

Харита заметила, что Дегж прячет газеты, а у Флетчера осунутое выражение лица. Инстинктом поняла она, что эти люди знают друг друга, только что говорили очень серьезно и что от нее будет многое скрыто. Став печальной, Харита сказала, вздохнув:

– Хорошо ли теперь вокруг? Да, а будет еще лучше. Вот мой очаг, – красота!

Но мысли ее ушли внутрь, и слова, спутники верхних мыслей, исчезли. Подав Дегжу красный дикий цветок на колючем стебле, девушка коротко сказала: «Это для вас красный, как кровь, и хорошо защищен».

Дегж не выдержал. Каменные его нервы сломались. Бессознательно оттолкнув цветок, он едва удержал рыдания, но лишь таким усилием, от какого затряслись все мускулы его лица. Он пошатнулся, расставил руки, взглядом очертил землю и рухнул без сознания к ногам девушки. Изумленно сжав губы, стояла она над ним, не зная, что делать. Флетчер плеснул ему рукой в лицо холодной воды. Дегж вздохнул

и быстро вскочил, ненавидя себя за мгновенную слабость. Растерянно улыбаясь, он вытер лицо. Загадочно кивнув Харите, Флетчер сказал: «До вечера», – вышел, сел на лошадь и поскакал домой, а Харита, заложив руки за спину и нахмурясь, стала ходить по двору взад и вперед. «С чужим горем, с несчастьем начинаем мы жить в этих стенах, – думала она. – Не было бы горя и нам. О, птицы, птицы! – взмолилась девушка, увидев пролетающих вверху белых чаек. – Скажите всем, чтобы никто не беспокоил, не трогал нас, так же как и мы не трогаем никого. Включите это им в голову!»

VIII

Между тем Дегж сел у стены, напряженно думая, курил сигарету. Глубоко вздохнув, Харита подошла к нему с решительным и мрачным лицом.

– Ну-с, довольно всех этих штук, – сказала девушка, – я не заслужила ни молчания, ни тревоги. Я не могу жить в тревоге. Говорите обо всем, во всем признайтесь, или же мы вынуждены будем обойтись без вашей помощи.

– В том и в другом случае вам придется меня прогнать, – ответил Дегж. – Вы сами не знаете, чего требуете. Тут необыкновенное дело.

– Оставьте вы меня пугать. Я не упаду в обморок, не убегу и не донесу.

– В таком случае будьте добры слушать, не перебивая. Садитесь рядом со мной.

Дегж поставил два камня, и они уселись. Но ему трудно было начать, он берег каждую секунду молчания, делая вид, будто желает прежде докурить сигарету.

– Хорошо, что Флетчер не дал вам прочесть газеты, – заговорил Дегж, – там искажено это черное дело. Оно стало грязным, но оно не грязное: оно просто черное. Прежде всего меня зовут не Рейтар. Мое имя – Дегж. Я проводник.

– О! О! – вскричала Харита. – Ведь вчера Флетчер рассказывал нам о Дегже! Так вы Дегж?! Очень приятно! Впрочем,

извините, что я перебила вас.

– Ничего. Я жил в Гертоне с женой. Наша квартира помещалась в доме Гайбера, торговца мясом. Сам Гайбер живет там же. У него был сын, подросток четырнадцати лет, мерзкое и злое животное.

– Гайбер? – спросила Харита.

– Да, Гайбер. Вы его знаете?

– О, нет, я не знаю его.

– Мне показалось...

– Ну, ну, я вас слушаю.

– Вам слушать легче, чем мне говорить.

Дегж подошел к углу стены, где стояла провизия, выпил из бутылки большой глоток виски и уселся на место.

– Сына Гайбера звали Иегудиил, а попросту – Гуд. Соседи вечно жаловались на него отцу. У него была мания делать гадости. Он выбивал окна, калечил чужих собак, пачкал развешанное на дворе белье. С девочками Гуд вел себя совершенно скотиной. Меня он боялся и ненавидел, так как я выдрал его за уши. Гуд осмелился нагадить перед крыльцом нашей квартиры, а я его уличил. Бывая подолгу в отсутствии, я по возвращении узнавал от жены, что Гуд сказал ей дерзость или, будто случайно, разбил камнем окно. Гайбер любил сына так глупо, совершенно по-скотски, что оставлял без внимания даже худшие его выходки: сам Гайбер – человек низкий и злой.

Харита печально слушала, с напряжением ожидая,

что случай или судьба, руками Дегжа, как дальше окажется, уничтожит так мрачно оскорбившего ее человека. Однако ей предстояло более сложное удивление.

– Исследуя горные тропинки вокруг одной системы карьеров, – продолжал Дегж, – я нашел в лесу птенца-ястреба и привез его домой. Надо сказать, что я вообще люблю птиц, а этот птенец весьма тронул меня смелым нападением на мой сапог; летать он еще не умел. Я воспитал его, положив на дело много терпения и труда, за что был вознагражден. Мой Рей стал ручным, более того: он сделался нашим любимцем; я и жена так привязались к нему, что если он улетал надолго, то мы скучали и беспокоились... Это была красивая коричнево-серая птица, величины дикого голубя, с двухфутовым размахом крыльев. Иногда он едва видно мерцал в небе, прямо над домом; утром он улетал, вечером прилетал, садясь на крышу или мне на плечо, как когда ему нравилось. В дождь Рей проводил день дома, перелетая с картины на шкаф, с вешалки на обеденный стол, возился часто под ногами, катал пуговицу или орех, словно котенок. Он засыпал у меня на плече, чистил клюв о мою щеку. Рей был очень хорош.

– Он был очень хорош, – серьезно произнесла девушка. Дегж невесело рассмеялся.

– Леона иногда ворчала, что Рей невежа; действительно, подтирать за ним надо было часто и основательно. Хорошо. Три дня назад я сидел с женой за столом; служанка подавала

обед. Всю ночь не было ястреба, и мы беспокоились. Он был для меня, как бы я сам, – ставший птицей. Вдруг Рей явился на подоконнике, но странно было его поведение: он бил крыльями, не взлетая, и как бы полз. Я встал, посмотрел, не схватил ли он ящерицу или жука. Неожиданно Рей взлетел, закричал долго, ужасно и бросился мне на грудь... С этой минуты он не переставал кричать. Ноги его были обрублены посередине голеней. Моя рубашка пестрела кровавыми пятнами. Рей бил крыльями и полз на плечо. Леона, увидев кровь, закричала, как сумасшедшая. Я хотел взять птицу, но она вырвалась и полетела, обезумев, как слепая, ударяясь о мебель, стены, падая на стол боком, снова взлетая и снова падая. Тарелки и скатерть были закапаны кровью... К руке Леоны, хотевшей поймать Рея, прилипло окровавленное перо. Наконец я его поймал, рассмотрел обрубленные ноги и держал птицу в руках, пока ее дрожь не кончилась и не закрылись ее глаза. Тогда я положил Рея на стол и вышел вымыть руки. Поверьте, Харита, я видел смерть, опасность, убивал сам, но никогда ребра мои так не сводил гнев, худший всяческого рыдания. Никогда я не задыхался. Но здесь я мог только раскрывать рот. «Это Гуд!» – крикнула Леона, а затем ей стало так нехорошо, что служанка отвела ее в спальню. Леона слабая, она очень нервна... Харита, не плачьте так. Ведь это я волнуюсь сейчас.

Дегж взял у девушки из рук платок и утер ей глаза; отдав платок, он продолжал, уже торопясь, кончить.

– Расстройство наше я выкладывать вам не буду. Весь день у меня рябило в глазах; куда я ни смотрел, там появлялись черные, а затем красные пятна; так это и до сих пор, если я не занят ничем.

Ну, я зарыл Рея в цветнике перед окнами и все смотрел, не выйдет ли Гуд, но он не показывался. Соседи уже знали всю эту историю; один голос, одно мнение было у всех: «Благодарите сына Гайбера!» А улики не было. Еще неразрешенным оставался вопрос, как Гуд мог схватить Рея. Но это был Гуд.

– Гуд Гайбер, – сказала Харита.

– Гуд Гайбер, да, проклятое существо, отрубившее ноги моей душе. Под вечер Леона все еще лежала в постели, а я непрерывно видел падающие вокруг меня красные пятна и пошел во двор, в кладовую, чтобы отвлечься. Я заметил, что если делаю что-нибудь, – пятна пропадают. В кладовой лежал запас угля, там же я держал инструменты и разный хлам. Весь день я не видел Гуда, но неожиданно он пришел, когда я сколачивал ящик для шкур, чтобы хранить их от моли, и остановился в дверях.

Гуд смотрел на меня спокойно, чуть прищурясь и, может быть, бессознательно улыбаясь. Этот рыжий сутуловатый парень с жирными плечами был мне всегда противен, а тогда я едва не выбросил его пинком ноги, однако сдержался. «Что, умер ваш Рей?!» – сказал Гуд, держа руки в карманах штанов и не смея подойти ближе. «Не знаю, кто это сделал, – отве-

тил я, – но, кажется, я благодарен в душе хитрому оператору, так надоела мне птица». Гуд всматривался в меня, но молчал. Я сказал: «Если бы не случай, я сам прикончил бы Рея, от него так много помета, что надоело убирать».

Заметьте, Харита, так было легко и естественно мое при творство, что Гуд осмелился и подошел ближе. «Ваше дело, – сказал он, – а я тоже не люблю птиц. Я их режу, если поймаю». Он вытащил из кармана кастет: «Вот я сегодня купил, смотрите, хотите, я вам продам?» – и не заметил, как выпала при этом движении из его кармана скорченная сухая лапка. «Для этой лапы нужен был бы кастет», – сказал я, подымая жалкий остаток Рея. Все изменилось, сверкнуло и перевернулось во мне; был я легок и оглушен, но был дик и ясно-прозрачно безумен.

Гуд так смутился, что начал быстро мигать, говоря: «Оставьте, это не я. Я нашел ее». – «Послушай, милый, – сказал я, легко держа его за плечо. – Мне все равно, я не сержусь, только интересно знать, как ты его поймал?»

Гуд угрюмо, недоверчиво смотрел на меня исподлобья. «Все равно вы мне ничего не сделаете, – заявил он. – Хотите знать? Ха-ха! Я поймал его, приманив мясом в петлю; ведь он садился и на нашу крышу. Так что, вам это приятно?!»

О дальнейшем я скажу коротко. Топор лежал возле меня. Я нагнул Гуда и бросил его, как маленького, к своим ногам. Должно быть, ему передалось все, что было во мне, так как Гуд не вскрикнул, не противился: страх сделал его

как бы безжизненным. Я придавил его рукой и отсек ему ноги топором выше колена, потом добил его обухом в лоб и зарыл все в угольной куче. Того состояния я вернуть теперь, конечно, не могу. Мне кажется, что это произошло не со мной, а я как бы лишь узнал, что где-то такое произошло. Присыпав сырость на земле угольной пылью, я вышел, запер кладовую, зашел к себе, взял деньги, револьвер и сказал Леоне: «Я убил Гуда. Медлить нельзя, я немедленно скроюсь и буду ожидать тебя в Лимском блокгаузе». Леона знает блокгауз, так как мы с ней бывали в этих местах. «Когда ты оправишься, то приходи в блокгауз; я проведу тебя тайной тропой в Сан-Риоль, а тайну мы увезем в Европу на одной из шхун Гарвея. Он скроет нас. Слышишь, я убил Гуда». Леона содрогнулась, привстала и рухнула вниз лицом. Я поднял ее, она лишилась сознания. Послав служанку за ее младшей сестрой, я пошел в порт, нанял парусную лодку и ночью был здесь, а лодку отвел за скалы, в одну из бухт, о которых никто не знает, кроме меня. Я должен был ждать известия от Леоны, ее самое ждать, а потому уговорился с вашим отцом о работе, иначе, если бы я ушел, то как Леона найдет меня? Что теперь скажете? Ни на что не смею возражать. Дело мое – суд ваш; я только прошу разрешения ожидать здесь до утра; если известий не будет, я отправлюсь в Гертон. Без Леоны я жить не могу.

Харита встала и подошла к очагу, где развела огонь, налила в кастрюли воды, опустила в них мясо, зелень, бобы,

присыпала перцем, солью.

– Дегж, – сказала Харита мрачно наблюдавшему за ней Дегжу, – устройте, пожалуйста, сиденье – сидеть не на чем.

Дегж встрепенулся и притащил четыре плоских камня. Он уложил их на меньшие камни, чтобы сиденья отвечали высоте обеденного стола-доски.

– Хорошо, – похвалила Харита. – Больше ничего, теперь курите вашу сигару.

– Я не считаюсь с мнением людей о себе, – сказал Дегж, ходя за ней от очага к столу, – но хотел бы слышать ваше суждение. Что мне в нем? Вы почти девочка. Знаете, есть что-то зависящее не от возраста и опыта.

– Не могу сказать, конечно, чтобы я была восхищена вашим поступком, Дегж, – ответила Харита, кончив уталкивать мясо в кастрюле так, чтобы вода покрывала его вполне, – я судить не буду. Я сама непокорная, меня тоже надо было бы судить, если так. Я сама – недотрога. Короче говоря, ничего особенного в вашем поступке я не вижу, потому была непобедимая сила уничтожить Гуда. Вы его уничтожили. Каким образом – дело второстепенное. Вот мое мнение!

Харита произнесла свою тираду совершенно спокойно, так что Дегж удивился. Он ожидал вопросов и восклицаний, но, видя, что девушка принялась мешать бобы, отошел, смущенно кивнув. Обернувшись на голоса, Дегж увидел, что Харита разговаривает с Ферролем.

– Сейчас приедет фура, – сказал разгоряченный и уста-

лый Ферроль, очень довольный дымящимся очагом и всей картиной двора. – Большое несчастье и тревога вокруг нас; я встретил Флетчера...

– Тише, – перебила девушка. – Я все знаю. Дегж рассказал мне...

– Что же ты?

– То же, что и ты. Делай вид, что как будто мы ничего не знаем. Едва ли он из таких, которые нуждаются в утешении, милый мой родитель, – важно сообщила Харита, – потому что они больше страдают. Хочешь есть? Хочешь вина? Скажи, чего хочешь?

– Да... надо стакан вина. – Ферроль выпил поданное вино. – Рейтар, я послал телеграмму, – сказал Ферроль, подходя к проводнику, – ждал нарочно ответа, но еще нет ответа. Я схожу за ним через два часа.

– Благодарю вас, – сказал Дегж, – вы очень мне помогли.

Он посмотрел на Ферроля так, как если бы хотел сказать что-то, но махнул рукой и принялся снова работать.

Ферроль некоторое время смотрел за ним издали, затем вышел посмотреть, не подъезжает ли фургон. К тому времени Харита покончила свои дела около очага и вышла вслед за отцом.

Девушка рассказала отцу дело Дегжа, передала точно все его выражения, подробности происшествия, и как кончила рассказывать, то Ферроль развел руками.

– Это как дурной сон, – сказал, подумав, оружейник. –

Так бывает только во сне. Я не смею ни судить его, ни даже размышлять о таком черном несчастье. Тут, Харита, заложен предел всяким соображениям. Кстати, я забыл фамилию мясника. Это не тот, случайно, мясник, который пришел в Гертоне к старухе?

– Не знаю, тот ли, – ответила Харита, снимая передник, – но фамилия того мясника одинакова с фамилией этого: Гайбер. Я тоже подумала.

– Странные бывают случаи, – заметил Ферроль, направляясь обратно, но если это тот самый мясник, то Дегж... Однако я не смею судить. Идем. Накорми его как можно лучше: он заслужил все доброе, что есть в наших руках.

IX

В десять часов утра с острова д'Авелес отъехала, направляясь в Гертон, лодка; ветра не было, а потому Фабиан Сульт греб, утомился и до безумия захотел пить.

Так как у него с собой не было воды, он пристал к песчаным береговым буграм в виду форта Бернгрев – развалины, сохранившей четырехугольник стены и половину внутреннего здания, теперь уже неизвестного назначения.

Из-за стены шел дым, ворота были полуоткрыты. Сульт оставил лодку непривязанной и, надеясь застать людей, прошел к наружной двери каменного невысокого здания.

На его стук женский голос ответил: «Войдите!» Сульт вошел и увидел молодую девушку, сидевшую с вязаньем в руках; на ней были синее платье, черный передник и схватывавшая темные волосы бисерная зеленая сетка.

Вежливо поклонясь, Сульт объяснил причину вторжения, принял из маленьких, темного вида рук девушки медную кружку с водой, напился и задержался, так как, рассмотрев новую хозяйку, испытал редкое удовольствие, которое ему захотелось продлить.

Девушка была хороша, как ее – цвета голубой тени – глаза, ясно устремленные из-под темных ресниц на молчащего Сульта.

Стройная, без сухости, оживленная, даже когда просто

стояла, опустив руки, она двигалась по-детски авторитетно; ее голос грудного оттенка звучал открыто и приятно, как будто она всегда испытывала удовольствие от того, что говорила.

– У меня от зноя немного кружится голова, – сказал Сульт. – Разрешите посидеть немного в этой прохладной комнате.

Девушка поспешно придвинула к нему стул, он уселся и начал обмахиваться широкой шляпой, поля которой почти касались его плеч.

Девушка села в кресло и возобновила вязание из белой шерсти. «Это будет платок, – сказала она, встряхивая связанной полосой. – Такой большой, как одеяло».

Хотя у Сульта не создалось впечатления, что эти слова обращены к нему, он все же спросил, долго ли она будет его вязать.

– Месяца полтора, – ответила девушка, услышав шаги на дворе, вышла, возвратясь с молодой женщиной в кожаной рыбацкой шляпе, короткой юбке и белой блузе с расстегнутым воротником. У женщины были густые черные волосы, ее смуглое худощавое лицо выражало упрямство и скрытность. Она медленно улыбнулась.

– Меня зовут Харита, – сказала ей хозяйка старого форта. – Я дочь Ферроля.

– В таком случае можно переговорить с вами, – заявила посетительница. – Я с острова д'Авалес. – Она пристально

взглянула на Сульта. – Не вас ли я видела вчера? Вы шли с учителем Ледервеем, таща какие-то сетки.

– Да, я гостил у него, – сказал Сульт. – Ледервей – мой старый приятель, и мы оба любители-натуралисты; ловили целый день у скал мелких морских животных.

– Так. Я к вам, милая Харита, с просьбой устроить фейерверк; заказ для вашего отца. Хотите, поговорим?

– Очень кстати, – засмеялась Харита, – сидим без денег.

– Меня зовут Бонифация Дорлент, у нас через две недели будет семейный праздник, – объяснила женщина, подходя с Харитой к столу, где они сели, и Харита, взяв с книжной полки лист бумаги, приготовилась записывать.

– Двойной день рождения, – объявила Бонифация, указывая на вошедшего мужчину. – Мой и моего жениха, Юста, Юстина Флетча. Желательно щит с вензелями и разные веселые штуки.

Малодушно оставаясь сидеть, Сульт слышал весь разговор. Если говорила Бонифация, начисляя количество ракет, колес и фугасов, Харита водила карандашом, рисуя по прихоти листья и размышляя; сама делая замечания, она смотрела на Бонифацию, живо повертываясь к собеседнице. «Еще можно такую ракету, – говорила Харита, – из нее высыплются звездочки и потекут, как по бархату, золотые капли. Фугасы я вам советую с огненными гроздьями, рождающие другие гроздья. Колесо есть такое – сначала вертится в одну сторону, а потом в другую».

– Жаль, что я не знал, чем занимается ваш отец, – сказал Сульт, – я тоже заказал бы фейерверк.

Харита рассеянно обернулась: «Ну вот, теперь вы знаете».

– Да, кстати, моя сестра любит фейерверки, и я потом буду с вами говорить.

– Хорошо. Погодите, – спуталась Харита, поправляя цифры. – Итак, мы с вами условились, Бонифация. Это все?

– Все. А затем скажите, сколько это будет стоить.

– Я не знаю; отец сообщит вам.

– Приезжайте к нам, на д'Авалес, с отцом 26-го, – обсуждая свой заказ, Бонифация решила пригласить Хариту с ее отцом в день праздника для того, чтобы Ферроль особенно хорошо сделал работу и, быть может, прибавил бы что-нибудь в виде подарка к условленному списку изделий.

Хариту не пришлось долго упрашивать: девушка еще не была на острове, и ее привлекла мысль провести вечер на празднике зажиточных рыбаков.

– Но я не могу обещать вам за отца, – прибавила она, давая свое согласие, – тем более, что должен же кто-нибудь здесь остаться.

– Если хотите, – заявил Юстин Флетч, – мы пришлем вам двух рыбаков, которые здесь посторожат и переночуют.

– Вы видите, как Юст предупредителен, когда нужно, – стесненно заметила Бонифация, не совсем довольная вмешательством жениха. – Тогда вашему отцу нет причин оставаться дома. А мы пришлем за вами большую хорошую лод-

ку, так что вы будете ехать спокойно и в безопасности.

– Благодарю вас, – с удовольствием сказала Харита, – я к вам приеду.

Бонифация почувствовала к Харите своеобразное женское недоверие, а Харите понравилась Бонифация, она даже расположилась к ней и встала ее проводить; та уже начала собираться, но, замедлив, спросила молодую хозяйку:

– Правда ли, дорогая Харита, что у вас возвращены какие-то особенные, чудно-прекрасные цветы, которые вы никогда и никому не показываете?

Девушка обаятельно покраснела, и Сульт заметил ее смущение: лгать и притворяться она не могла, а отвечать подробно ей не хотелось. Ее взгляд замкнулся, утратив веселое выражение, и, беспомощно разведя руками, Харита нерешительно произнесла: «Не знаю, что вам на это сказать. У меня, правда, есть немного цветов, которые – это тоже правда – я никому не показываю, но никак я не думала, что о них станет известно».

– Как же! Говорят – ну хоть, например, у фермера Коллотина, где мы были прежде, чем зайти к вам, – цветы у вас больше Юстовой шляпы и такие красивые, что не нагладишься.

Сульт искренне пожалел девушку – так, видимо, неприятен ей был этот разговор, но любопытство его возросло.

– Ну, может быть, когда вам наскучит одной любоваться этими цветами, вы их нам покажете, – захохотал Юстин

Флетч.

– О, нет! – живо возразила Харита, уже тихо смеясь. – Нельзя. Никто не увидит их.

– Ради шести стаканов воды! – воскликнул плененный очевидностью тайны Сульт.

– Почему?

– Я могла бы вам не ответить, – мягко обратилась к нему Харита, – тем более, что никто не вправе допытываться у меня такого ответа, но так и быть, скажу. Чтобы понять, почему не показываю эти цветы, надо их видеть. Поэтому-то их и нельзя никому видеть.

– Замысловато сказано! – проревел Юст, в то время как Бонифация пристально и тяжело рассматривала Хариту и, обескураженная оборотом разговора, слегка надулась.

– Бойтесь, что их кто-нибудь стянет? Ну, так приезжайте в д'Авалес, я вам покажу такие тюльпаны, каких, верно, нет и в ваших оранжереях. Мы чиниться не будем! Идите! Смотрите! Хватит на все глаза, даже еще останется!

Довольный своей речью, Юст рассмеялся и обтер лицо пестрым платком.

– Теперь мне уж так захотелось увидеть, что я не отстану от вас, – сказала, поднимаясь, Бонифация. – Но вы не волнуйтесь так, милая. Что делать? Ваше право, ведь вы хозяйка в своем доме, а мы – люди, право, не гордые и не обижаемся. Идем, Юст. Приезжайте, дорогая Харита.

Они вышли, а Сульт задержался.

– Что же вы? – спросила Харита. – Они будут ловить вашу лодку.

– Меня интересует вопрос, – объяснил ей Сульт, – если никто не видел ваши цветы, как могло стать известно о них?

– Вот я стою и думаю: как? Я была, правда, поражена.

– Должны были вы сказать, что у вас ничего нет.

– Может быть. Теперь мне следующее пришло в голову: однажды мой отец был дома один...

Дополнения

Цветок Недотрога – прозрачная, как хрусталь, чашечка из восьми прямых лепестков удлиненного яйца, острием внутрь. Срединка жемчужная с тонкими оттенками радуги. Над ее выпуклостью, отмеченной канальцем, нет тычинок, лишь по основаниям лепестков расположены крошечные белые шарики. Подцветник твердый, гладкий, черно-зеленый. Листья формы длинного, свободно изогнутого пера, как цветы, – оранжево-золотистого с коричневым и красным рисунком. Подкладка их серая. Размещены симметрично на тонком, твердом, неправильно изогнутом стебле темно-зеленого цвета и покрыты острыми шипами. На солнце, подкрепленный росой, цветок сверкает, как подлинно хрустальный, украшенный серебром и жемчугом.

Из записных книжек Александра Грина

Чем же заканчивается роман?

Вот что пишет об этом жена писателя Нина Николаевна Грин:

«Флетчер сдает Харите и ее отцу заброшенный форт, который они превращают в жилье. Харита налаживает свое хозяйство, она разбивает сад и в этом саду сеет семена неиз-

вестного ей растения. Крошечный пакет с этими семенами и надписью «не тронь меня» она давно нашла в старых вещах своей бабушки и с тех пор ревниво его берегла.

В форте завязываются все отношения. Сначала все идет спокойно и тихо, вызывая, с одной стороны, доброе внимание таких людей, как Флетчер, Фабиан, Петтечер, привлеченных душевной стройностью и необычайной манерой жизни Ферролей, с другой стороны, медленно накапливает глухое раздражение у тех, кто не может понять и объяснить себе этой жизни. Фабиан и Петтечер любят Хариту. Фабиан – здоровый, красивый молодой человек, искренний и стремительный; Петтечер – лет тридцати – талантливый, умный художник, но алкоголик, всячески скрывает свою любовь. Он пишет небольшие картины, не имеющие успеха и сбыта. Все в один голос восхищаются его талантом, но никто не покупает его картин. Они своеобразны и остры. Например, «Рука на скале». Видна только рука, уцепившаяся за край пропасти. В ней выражена вся сила отчаяния и ужаса повисшего над пропастью человека.

Рисунки его запоминались навсегда, причем даже воспоминание сохраняло силу первого впечатления.

Талант и ум Петтечера привлекают сердце Хариты. Но и стремительная горячая любовь Фабиана пленяет ее, и «избитая душа» покинутого женой Дегжа просит милости ее сердца.

В теплой атмосфере внимания этих людей, по-разному ей

дорогих, она выращивает свои цветы. Вырастает, к ее ликующему удивлению, чудо. Это цветы необычной, красивой формы, имеющие аромат и нежность цветка, прозрачность и блеск хрустала, окраску и сочетание цветов, мыслимых только в сказках.

Харите стала понятна надпись на пакете – «не тронь меня», когда, впустив раз в свой сад пришедшую за фейерверком неприятную, фамильярничавшую девушку, дочь рыбопромышленника, она увидела, как стали свертываться и вянуть дорогие ей цветы.

С тех пор она перестала пускать в цветник чужих. Но слух о цветах, прекрасных и странных, проник за стены форта. Любопытные стремились их увидеть. Упорное нежелание Хариты поделиться своими цветами и даже их показать вызвали взрыв уже накипавшей злобы.

Группа местных хулиганов, при молчаливом одобрении обывателей, решила истребить Ферролей. Предупрежденные об этом Дегжем, они, заложив все выходы форта, пытаются вместе с Дегжем, Флетчером и Фабианом защищать его. Но к хулиганам присоединились и жители местечка. Защитники форта бежали на лодке и оказались в тайном убежище Дегжа. Дегж, тяжело раненный, умирает. Харита после долгой борьбы выходит замуж за Петтечера. Ее сердце ласково и просто привлекает Фабиан, но она знает, что он не так остро все чувствует, как она, она будет душевно старшей. Петтечер звучит, как она, он все поймет, рука его будет

рукой друга, старшего, она чувствует, что единственно она ему нужна».